

Гномы вдруг показались молодыми и совсем юными. Боль в руке всё ещё была, но все сегодняшние испытания и мучения погасли, как выключатель, от одного слова "ученики".

Да, их можно понять. Их обокрали, и в такой нервной ситуации снова пришёл представитель той же расы, что и вор. К тому же, похоже, он хорошо знает этого вора.

— С Амитабхом Каном я виделся всего один раз.

Тен решил первым успокоить их беспокойство.

— Встретились в транспорте, проходящем через Валенс. Тогда мы обменялись именами.

Сколько нужно рассказать? Тен украдкой покосился на Валленштайна.

— В других странах для Валенса объявлен чёрный код. Это строгое предупреждение, запрещающее путешествия и приказывающее эвакуироваться даже тем, кто уже находился там. Я не ожидал увидеть в Валенсе чернокожего иностранца, поэтому запомнил его, хотя мы лишь мельком встретились. Личных связей нет.

Амитабх Кан был тем самым человеком, который обманул пытавшегося помочь Тена и заставил его вылететь из поезда. Если и возникли плохие чувства, то возникли, но никак не дружеские отношения.

— Тогда зачем вы сюда пришли? Чтобы что-то заморозить, как проклятый вор?

На чью-то издёвку старый гном резко поднял голову.

— Негодник! Вы своим недоразумением мучили невинного человека, и ни капли раскаяния!

После чего снова собирался биться головой, говоря, что это его вина за плохое воспитание. Тен поспешно заговорил, прежде чем гном-старейшина успел себя покалечить.

— Кан! Что заморозил Кан?

Из-за любви к книгам и мозолей на подушечке среднего пальца он предполагал, что тот занимается писательской профессией. Но чтобы найти легендарный Марбург и даже совершить кражу. В этом месте стоило заинтересоваться личностью Кана.

— Когда этот вор был нами обнаружен и преследовался, он использовал осколок Вашего Величества и заморозил часть четвёртого района из наших 11 районов. Замороженная область продолжает расширяться.

Так дело может дойти до того, что замёрзнут соседние третий и пятый районы, а затем и весь Марбург. Гном беспокоился. Тен, который ожидал кражи максимум нескольких предметов, был потрясён действиями Кана, превышающими всякие пределы. Что за безобразие – вторгнуться в чужую деревню, где спокойно жили люди. С точки зрения гномов это было не что иное, как террор. Хотя так делать нельзя, но он понял реакцию молодых учеников, которые враждебно относились к Тену только за то, что он человек.

— Не знаю остального, но плащ, сделанный из перьев феникса, обязательно нужно вернуть. Чтобы остановить силу осколка, нужны по меньшей мере перья феникса, но больше нельзя их достать, так что приходится решать проблему тем, что было сделано раньше. Но как назло, вор украл их...

— Пойдите, подождите.

Тен переложил Валленштайна поудобнее. Стало лучше, чем раньше, но он всё ещё источал холод, как ледяная кукла. Но.

— Вы говорите, что Кан использовал осколок Его Величества?

Осколок Валленштайна заморозил всё. Так было с гигантским деревом-хранителем в деревне никсов, так было с морем Еджи. Тен столкнулся с этим лишь косвенно через Еджи, но серьёзно заболел. Всего один раз. Даже просто мельком столкнувшись, он до сих пор не оправился от того влияния. Если бы он не был заклинателем пламени, если бы Аквила не помогла ему, он давно бы замёрз насмерть.

И такое может использовать обычный человек? Не может быть.

— Вам трудно поверить, но это правда. Мы ещё не выяснили, какую хитрость применил этот коварный человек, но то, что он использовал осколок Вашего Величества – несомненно.

Старый гном заявил решительно. Но каким образом Кан? И зачем он вообще это делает? Валленштайн вбил клин в растерянность Тена.

— Да. С Еджи тоже так было.

— И с госпожой Еджи?

Тен вскрикнул. Валленштайн покатал конфету во рту с грохотом и произнёс невнятно.

— Пришёл разбираться с последствиями, а чёрный человек прятался и подглядывал. Был неумелым, так что всё видел.

Вздых вырвался сам собой.

— Если человек, которого видело Ваше Величество, действительно Кан, то он, вероятно, нет. Определённо охотник на духов.

Это была тема, о которой он не хотел говорить с Валленштайном. Потому что сразу проявлялась глубокая пропасть между духами и людьми – существами разного рода.

Не хотелось напоминать, что я принадлежу к расе, которая охотится на тебя и использует тебя. Даже если это и так общеизвестный факт.

— Тогда Медузу спрятал тоже Кан. Вероятно, установил её, чтобы поохотиться... на госпожу Еджи.

На слове "охотиться" Тен оборвал речь. Не хотел говорить это перед духами, которые становятся объектами этой охоты, но не нашёл выражения, заменяющего охоту.

— План по захвату госпожи Еджи провалился. Раз он завалил крупномасштабный проект, проводимый с переданным ему высшим духом уровня Медузы, он наверняка сразу же получил приказ о вызове на родину. Должно быть, вернул Медузу и написал кучу объяснительных. Путь к продвижению закрыт, и его понизили до тихой должности.

Когда плечи без остановки декламирующего Тена бессильно опустились, молчавший Валленштайн сбросил бомбу.

— Она умерла.

— Что?

— Умерла. Медуза.

Сегодняшний день был полон удивительных и невероятных событий, но слова Валленштайна были самыми поразительными.

— Если высший дух уровня Медузы умер, то это не понижение, а немедленное увольнение. Нет, дело не в увольнении, компенсация убытков будет колоссальной.

Такая умопомрачительная сумма, которую такой работяга, как он, не смог бы выплатить, даже работая всю жизнь как раб. У Тена потемнело в глазах, хотя это было не его дело.

— Значит, поэтому он воровал. Из-за компенсации.

Ведь произведения, созданные мастерами Марбурга, продаются на подпольных аукционах за астрономические суммы. Продав всего несколько редких вещей, а может, даже одну, можно было бы выплатить компенсацию.

— Ч-что же делать?

— Продадут? Тогда как быть?

— Обязательно нужно найти.

Четвёртый район, замороженный осколком Валленштайна. Чтобы предотвратить дальнейший ущерб, нужен плащ из перьев феникса, так ведь? Охваченные растерянностью молодые гномы зашумели, и кто-то даже упомянул о крупномасштабном переселении.

Тен не мог их понять. Есть гораздо более простой способ, зачем же идти окольным путём? Тен приподнял Валленштайна, сидящего на его левой руке.

— Не нужно беспокоиться. Как раз Его Величество лично прибыл, так что можно попросить забрать осколок.

— Но как мы осмелимся просить Его Величество о таком... это дерзость...

Гном-старейшина снова склонил голову. Его тощее тело дрожало. На самом деле - гораздо раньше. Когда он стремглав бежал сюда, когда кричал на молодых гномов, когда приносил извинения королю от их имени. Он всё время дрожал. Поскольку в его хорошо сдержанном голосе не чувствовалось никакого страха, Тен чуть было не пропустил это до самого конца.

Кризисная ситуация целого города. Властитель, способный разом решить эту проблему, находится прямо перед глазами. Но они настолько боятся Валленштайна, что не могут даже слова вымолвить. Тен понимал их страх, но не мог его прочувствовать. Вместо этого он протянул руку помощи.

— Нет. Как раз Его Величество тоже собирает осколки.

Ведь так? - переспрашивая, Тен почувствовал, как внутри грудь затрепетала от беспокойства. Потому что он знал, что его поступок дерзок и нагл. Тен с усилием делал вид, что невозмутим, и нагло продолжал.

— Его Величество заберёт осколок.

Хотя непосредственный участник Валленштайн молчал, Тен говорил так, будто всё уже решено. Выпуклая правая щека Валленштайна сдулась, а противоположная левая округлилась. Чем дольше длилось молчание, тем больше холодного пота выступало на спине Тена. Всё-таки он зашёл слишком далеко? Отозвать заявление сейчас? В момент, наполненный сожалениями и сомнениями.

— В другое время я бы забрал.

Валленштайн, катавший только конфету, наконец открыл рот. Но как-то начало было нехорошим.

— Сегодня настроение неважное.

Вздрыгнул. Не только Тен, но и другие гномы тоже.

— Не хочу делать то, что порадует тех, кто поцарапал моё.

Не может быть. Тен посмотрел на свою правую руку. И без того жалкая рука была вся покрыта засохшей чёрной кровавой коркой между мелко торчащими занозами. Когда Тен смущённо покосился на свою руку, гномы тоже перевели взгляд туда. Все увидели то, что он всегда тщательно скрывал перчатками.

— На что смотрите.

На слова Валленштайна они тут же опустили глаза, но.

Среди склонивших головы гномов. Тен усмирлял уголки губ, которые всё время хотели поползти вверх. Он знает, насколько серьёзна ситуация, в которой находятся гномы. Что кризис целого города не может иметь тот же вес, что одна его рука. И всё же ему просто было приятно, что Валленштайн переживает. Так приятно, что приходилось всячески стараться не выдать это чувство.

— Ваше Величество. Со мной всё в порядке.

— А со мной не в порядке.

— Правда всё в порядке. Уже почти не больно!

Валленштайн безжалостно сжал правую руку Тена. Нужно терпеть. Тен не сдержал стон. Черновато-красная корка лопнула, и просочилась ярко-алая кровь. Запах крови закружился у кончика носа.

— В порядке, говоришь?

— ...Да. В порядке.

Тен ответил, стиснув зубы. Хотя от боли его прошиб холодный пот.

Белоснежные ресницы, словно припорошенные снегом карнизы, легко опустились. Серые зрачки, мелькнувшие между прищуренными глазами, попеременно обращались к окровавленной руке и к лицу мужчины, выдавливающего из себя искажённую улыбку. В ушах Тена зазвучала дудка, и маленькая рука легко скользнула по большой руке с занозами. В этом

осторожном прикосновении чувствовалось раздумье – не вскрыть ли кожу и не разворошить ли рану. Тыкая в рану и заставляя её гноиться, Валленштайн с характерным безразличным лицом снова спросил бы.

"В порядке, говоришь?"

Вот так. Словно намереваясь во что бы то ни стало вытянуть из Тена ответ, что не в порядке.

К счастью, Валленштайн аккуратно отпустил руку Тена. Однако Тен почувствовал явную угрозу. Инстинкт, накопленный за долгие годы хождения по грани смерти, забил тревогу. Валленштайн действительно собирался разворошить руку Тена.

— Твоя воля неважна. Потому что мне не в порядке.

Из губ с конфетой невнятно вылетело бормотание. Тем не менее гномы почувствовали жуткий страх. Валленштайн тихо пробормотал в глубоко склонённые головы молчаливо дрожащих гномов.

— Ничего не поделаешь. Долги нужно возвращать.

Долг? Какой долг? Среди гномов, поглощённых тревогой, Валленштайн тихо произнёс.

— Я пришёл повидать тебя. Вильгельм.

Старый гном, уткнувшийся головой в землю, резко поднял голову.

— 300 лет назад, проводя год странствий, ты создал самый жалкий замок в самом роскошном дворце мира. И окно, через которое можно увидеть весь мир.

Замок чудовищ и Семь окон. Мастером, создавшим их, был именно этот старый гном. Подарок для женщины, которая, запертая в замке, будет вечно тосковать по внешнему миру. Волшебное окно, созданное по её желанию.

— Осколок произошёл от твоего окна. Я пришёл найти фундаментальное решение этой проблемы. По сути, это соответствует тому, чего хотите вы.

Была ли это сила великого мастера. Или материал, желание, был слишком искренним. Окно, даже разбившись на осколки, продолжало хранить неизменно сильное желание и путешествие, чтобы видеть мир. Даже каждый маленький осколок.

Проблема в том, что эти осколки, в которых поселилась сила Валленштайна, замораживают всё подряд. Животных и растения, живое и неживое, не разбирая пространства и окружения – всё, к чему прикасались, холодно замерзло.

— Ты знаешь способ?

— Ваше Величество...!

Старый гном, Вильгельм, снова ударился головой о землю. У него было только одно, что он мог сказать.

— Прошу прощения.

— Способ. Не знаешь?

— Моих скудных знаний недостаточно, чтобы знать способ остановить силу великого владыки.

— Ты действительно не знаешь или не можешь мне сказать?

Вильгельм хранил молчание. Одного этого было более чем достаточно для ответа.

Валленштайн выбрался из объятий Тена и спустился под ковёр. Перед глазами склонившего голову Вильгельма замелькали маленькие белые ступни. С высоты, недосыгаемой для взгляда старого гнома, Валленштайн наклонил голову набок.

— Поэтому спрятался?

Сглотнув. Раздался звук сглатывания сухой слюны. Вильгельм с трудом разомкнул губы, которые никак не желали открываться.

— Никогда, никогда не прятался, избегая Вашего Величества. После кражи мы усиливали охрану города, и когда дозорная группа сообщила, что идёт человек, так и получилось. За прошедшие 300 лет Марбург был отрезан от внешнего мира и не встречал людей. Первым человеком, посетившим город за несколько сотен лет, оказался вор, причинивший деревне большой ущерб. Естественно было проявить чрезмерную реакцию на вопросы безопасности.

Король смотрел на старого гнома косым взглядом, настолько же кривым, насколько была наклонена его голова.

— Может, один раз дам себя обмануть.

Слова, вылетевшие изо рта с конфетой, в отличие от сладкого дыхания, были крайне язвительными.

— Осколок заберём с этой стороны, а за это время вылечите того.

На того, куда указывал кончик пальца, приходился Тен. Тен, ошеломлённо наблюдавший за развитием событий, вскочил, словно поражённый молнией.

— Ваше Величество! Вы собираетесь идти один? Я пойду с вами.

— Ты.

Валленштайн, перебив его, выдохнул дыхание, смешанное с ледяным холодом.

— Ты больше никогда даже не думай прикасаться к осколку.

Не смотри на него и не слушай о нём. Даже близко не подходи.

<http://bllate.org/book/14993/1504271>